

Погодин Р. Послевоенный суп

Танкисты оттянулись с фронта в деревушку, только вчера ставшую тылом. Снимали ботинки, окунали ноги в траву, как в воду, и подпрыгивали, обманутые травой, и охали, и хохотали, — трава щекотала и жгла их разопревшие в зимних портянках рыхлые ступни.

Стоят танки-«тридцатьчетверки» — на броне котелки и верхнее обмундирование, на стволах пушек — нательная бумага. Ковыляют танкисты к колодцу: кожа у них зудится, требует мыла. Лупят себя танкисты по бокам и гогочут: от ногтей и от звучных ударов на белой коже красные сполохи.

Облепили танкисты колодец — ведра не вытащить. Бреются немецкими бритвами знаменитой фирмы «Золинген», глядятся в круглые девичьи зеркала.

Одному танкисту стало невтерпеж дожидаться своей очереди на мытье, да и ведро у него было дырявое, он плюнул, закрутил полотенце на галифе по ремню и отправился искать ручей.

А земля такая живая, такая старательно-бесконечная.

В оставленные немцем окопы струйками натекает песок, он чудесно звонит, и в нем семена: черненькие, серенькие, рыжие, с хвостиками, с парашютами, с крючочками и просто так, в гляцевитой кожурке. Воронки на теле своём земля залила водой. И от влажного бока земли уже отделилось нечто такое, что оживет и даст жизнь быстро сменяющимся поколениям.

Мальчишка сидел у ручья. Возле него копошили землю две сухогрудые курицы. Неподалеку кормился бесхвостый петух. Хвост он потерял в недавнем неравном бою, потому злобно сверкал неостывшим глазом и тут же, опечаленный и сконфуженный, стыдливо приседал перед курицами, что-то доказывая и обещая.

— Здорово, воин, — сказал мальчишке танкист. — Как тут у нас настроение по женской части?

Мальчишка то ли не понял, то ли нарочно промолчал.

— Я говорю, девки у вас веселые? — переспросил танкист.

Мальчишка поднялся серьезный и сморщенный. Покачнулся на тонких ногах. Он был худ, худая одежда на нем, залатанная и все равно в дырах.

— Зачем тебе девки?

Танкист засмеялся:

— Побалакать с девками всегда интересно. Поспрашивать о том о сем. Короче говоря, девки есть девки. — И чтобы укрепить свое взрослое положение над этим сопливым жидконогим шкетом, танкист щедро повел рукой и произнес добрым басом: — А ты гуляй, малый, гуляй. Теперь не опасно гулять.

— А я не гуляю. Я курей пасу.

Танкист воевал первый год. Поэтому все невоенное казалось ему незначительным, но тут зацепило его, словно он оцарапался обо что-то невидимое и невероятное.

— Делать тебе нечего. Курица червяков ест. Зачем их пасти? Пусть едят и клюют что найдут.

Мальчишка отогнал куриц от ручья и сам отошел.

— Ты, может, меня боишься? — спросил танкист.

— Я не пугливый. А по деревне всякие люди ходят.

Танкист запунцовел от шеи и сухо крикнул, сообразив, что и в будущем потребуется ему сила и выдержка для разговоров с невоенным населением.

Петух косил на танкиста разбойничьим черным глазом — видать, лихой был когда-то, он шипел, и грозился, и отворачивал свой горемычный хвост, готовый, чуть что, уносить свое мясо и летом, и скоком, и на рысях.

— Мужики — они все могут есть, хоть ворону съедят. А у Марульки нашей и у Сережки Татьяниного ноги свело от рахита. Им яйца нужно есть куриные... Тамарку Сучалкину кашель бьет — ей молока бы...

Маленький был мальчишка, лет семи-восьми, но танкисту внезапно показалось, что перед ним либо старый совсем человек, либо бог, не поднявшийся во весь рост, не раздавшийся плечами в сажень, не накопивший зычного голоса от голодных пустых харчей и болезней.

Танкист подумал: «Война чёртова».

— Хочешь, я тебя угощу? У меня в танке пайковый песок есть — сахарный.

Мальчишка кивнул: угости, мол, если не жалко. Когда танкист побежал через луговину к своей машине, мальчишка крикнул ему:

— Ты в бумажку мне нагребви. Мне терпеть будет легче, а то я его весь слижу с ладошки и другим не достанется.

Танкист принес мальчишке сахарного песку в газетном кульке. Сел рядом с ним подышать землей и весенними нежными травами.

— А батька где? — спросил он.

— На войне. Где же еще?

— Мамка?

— А в поле. Она с бабами пашет под рожь. Еще позалетошным годом, когда фашист наступал, ее председателем выбрали. А у других баб ребятишки слабые — они их за юбку держат. А у нас я да Марулька. Марулька маленькая, а я не капризный, со мной свободно. Мамке деда Савельева дали в помощники. Ходить он совсем устарел. Он погоду костями чувствует. Говорит, когда пахать, когда сеять, когда картошку садить, только ведь семян все равно мало...

Танкист втянул в себя густой утренний воздух, уже пропитанный запахом танков.

— Давай искупнемся. Я тебя мылом вымою.

— Я не грязный. Мы из золы щелок делаем — тоже моет. А у тебя духовитое мыло?

— Зачем? У меня мыло солдатское, серое, оно лучше духовитого трет.

Мальчишка вздохнул, вроде улыбнулся.

— У духовитого цвет вкусный. Я раз целую печатку украл у одного тут, у немца. Не развернутую еще. Отворотил бумажку — лизнул даже: вдруг сладко? Маруська, так она его сразу в рот. Маленькая еще, глупая.

Танкист разделся, вошел в холодный ручей.

— Снимай одежду, — приказал он. — В ручей не лезь — промерзнешь. Я тебя стану поливать.

— Я не промерзну. Я привыкший. — Мальчишка скинул рубаху и штаны, полез в ручей спиной вперед — голубой, хрупкогрудый, ноги прямо из спинных костей, без круглых мальчишеских ягодиц, широко расставленные, и руки такие же — синюшные, ломкие и красные в пальцах.

Танкист высадил его обратно на берег.

— Совсем в тебе, парень, нету весу. Ни жирины. Холодная вода простудит тебя такого насквозь. — Он плеснул на мальчишку из пригоршни, вторично зачерпнул воды, да и выпустил ее — впалый мальчишкин живот был изукрашен гнойными струпьями.

— Ты не бойсь. Это на мне не заразное. — Мальчишкины глаза заблестели обидой, в близкой глубине этих глаз остывало что-то и тонуло, тускнея. — Я живот картошкой спалил...

Танкист дохнул, будто кашлянул, будто захотелось ему очистить легкие от горького дыма. Принялся осторожно намаливать мальчишкины плечи.

— Уронил картошку?

— Зачем же ее ронять? Я пусторукий, что ли? Я картошку не выроню... Фронт еще вон где был, вон за тем бугром. Там деревня Засекино. Вы, наверно, по карте знаете. А в нашем Малявине было ихних обозов прорва, и автомобилей, и лошадей с телегами. А немцев самих! Дорога от них зеленая была — густо бежали. Вон где сейчас танк под деревом прячется, два немца картошку варили на костерке. Их кто-то крикнул. Они отлучились. Я картошку из котелка за пазуху...

— Ты что, сдурел?! — крикнул танкист, растерявшись. — Картошка-то с пылу!

— А если она с маслом! У нее помереть какой дух... Плесни мне в глаза, мыло твое шибко щиплет. — Мальчишка глядел на танкиста спокойно и терпеливо. — Я под кустом с целью сидел — может, забудут чего, может, не доедят и остатки выбросят... Я тогда почти всю деревню пешком прошел. Бежать нельзя. У них как бежишь — значит, украл.

Танкист месил мыло в руках.

— Все мыло зазря сомнешь. Давай я тебе спину натру. — Мальчишка наклонился, промыл глаза водой бегучей. — Я у немцев много чего покрал. Один раз даже апельсину украл.

— Ловили тебя?

— Ловили.

— Били?

— А как же. Меня много раз били... Я только харчи крал. Ребятишки маленькие: Маруська наша, и Сережка Татьянин, и Николай. Они как галчата, целый день рты открытые. И Володька был раненый — весь больной. А я над ними старший. Сейчас с ними дед Савельев сидит. Меня к другому делу приставили — курей пасу.

Мальчишка замолчал, устал натирать мускулистую, широченную танкистову спину, закашлялся, а когда отошло, прошептал:

— Теперь я, наверно, помру.

Танкист опять растерялся.

— Чего мелешь? За такие слова — по ушам.

Мальчишка поднял на него глаза, и в глазах его было тихое, неназойливое прощение.

— А харчей нету. И украсть не у кого. У своих красть не станешь. Нельзя у своих красть.

Танкист мял мыло в кулаке, мял долго, пока между пальцами не поползло, — старался придумать подходящие к случаю слова. Наверно, только в эту минуту понял танкист, что и не жил еще, что жизни как таковой не знает и где ему, скороспелому, объяснить жизнь другим людям так, чтобы они поверили.

— Вам коров гонят и хлеб везут, — наконец сказал он. — Фронт отодвинется подальше — коровы и хлеб сюда придут.

— А если фронт надолго станет?.. Дед Савельев говорит — лопуховый корень есть можно. Он сам в плену питался, еще в ту войну.

Танкист вытер мальчишку вафельным не подрубленным полотенцем.

— Не людское дело лопух кушать. Я покумекаю, потолкую со старшиной, может, мы вас поддержим из своего пайка.

Мальчишка, торопясь, покрутил головой:

— Не-е... Вам нельзя тощать. Вам воевать нужно. А мы как-нибудь. Бабка Вера, она совсем старая, почти неживая уже, говорит, солодовая трава на болотах растет — лепешки из нее можно выпекать, она пытит, будто с закваской. Вы только быстрее воюйте, чтобы те коровы и тот хлеб к нам успели. — Теперь в мальчишкиных глазах, потемневших от долгой тоски, светилась надежда.

— Мы постараемся, — сказал танкист. Он засмеялся вдруг невеселым, натянутым смехом. — А ты говоришь, не о чем мне с девками толковать. Потолковали бы, наверно, о том же самом... Зовут тебя как?

— Сенька.

На том они и расстались. Танкист отдал мальчишке обмылок, чтобы он вымыл свою команду: Маруську, и Сережку, и Николая. Танкист звал мальчишку поесть щей из солдатской кухни — мальчишка не пошел.

— Я сейчас при деле, мне нельзя отлучаться.

Курицы тягали червяков из влажной тихой земли. Петух бесхвостый, испугавшись танкистова шага, совсем потерял голову и, вместо того чтобы бежать, бросился прямо танкисту под ноги.

— А ты, чёртов дурак, куда прешь? — закричал на него танкист.

Петух окончательно осатанел, бросился курицу топтать, свалился и закричал диким криком, лежа на крыле, — крик этот был то ли иступленным рыданием, то ли кому-то грозил петух, то ли обещал.

Возле танков — может быть, запах кухни тому виной, может быть, петушиный крик — пригрезился танкисту дом сытый, с занавесками кружевными, веселая краснощекая девушка с высокой грудью и послевоенный наваристый суп с курятиной.